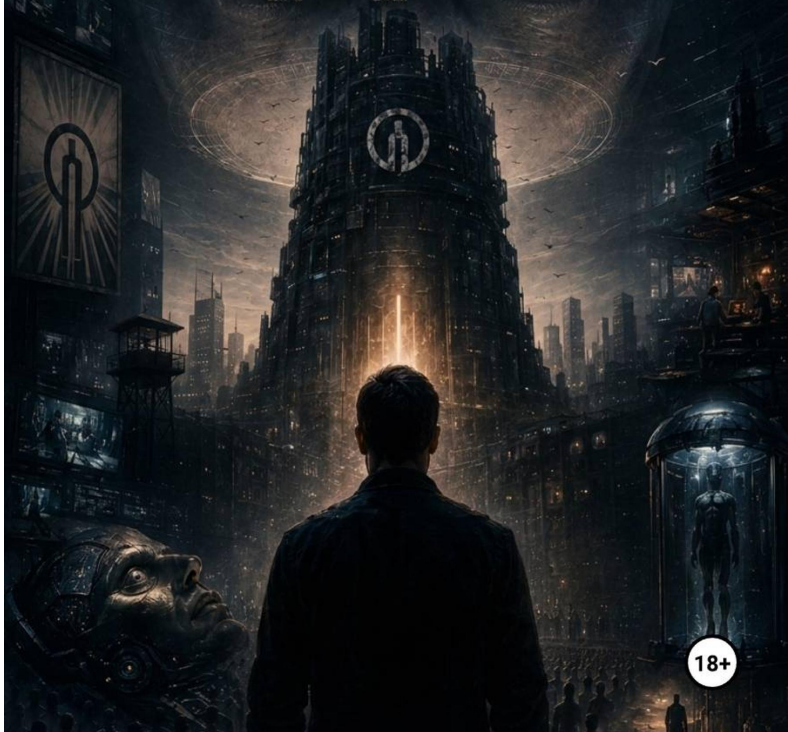

САГЫН САНЖАР

ЯДРО

18+

Санжар Сагын

Ядро

<https://litres.ru/74130634>

SelfPub; 2026

Аннотация

Грэг Рубич живёт в городе, где камеры считают моргания, еда лишена вкуса, а мысли сканируются на лояльность. Один неосторожный разговор — и его отправляют на корректировку: тело превращают в машину, а сознание замуровывают внутри, оставив наблюдателем за собственной жизнью. Выход один: уничтожить Ядро — устройство в сердце башни, питающееся человеческими душами. Роман о том, что свобода — это только начало.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Санжар Сагын

Ядро

Глава

Пролог. Голоса

Год спустя Грэг всё ещё иногда забывал, какие мысли его собственные.

Это случалось не часто — реже, чем в первые недели после ядра, когда он мог застыть посреди улицы, пытаясь понять, чей это страх перед высотой заставил его остановиться у края крыши, не его ли это тоска по человеку, которого он никогда не встречал. Но случалось. Сейчас, например — глядя на лист бумаги перед собой, чистый, ничем не заполненный, — он чувствовал чужое желание писать письмо, которое не напишет никогда, человеку, который, возможно, уже не ждёт от него ничего.

Он отложил ручку.

За окном, через которое теперь не смотрела ни одна камера, город жил своей новой, неуверенной жизнью — жизнью места, которое разучилось бояться, но ещё не научилось толком ничему взамен.

Если бы кто-то спросил его тогда, в самом начале — семь лет назад, в кабинке полтора на полтора метра, под камерой,

считавшей его моргания, — во что превратится его жизнь, он бы не поверил ни одному слову из правды. Не поверил бы про систему, проглатывающую души. Не поверил бы про человека по имени Мэйсон, создавшего и едва не уничтожившего целый мир, прежде чем спасти его — наполовину, ценой, которую никто не подсчитал заранее. Не поверил бы, что однажды будет сидеть у окна без слежки, неся внутри себя нескольких людей сразу, и называть это, после долгих раздумий, не проклятием, а просто новой формой того, чем всегда тайно являлась человеческая близость — только теперь без права отказаться.

История, которая привела его сюда, началась не с ядра. Не с Мэйсона. Не с письма.

Она началась с камеры в углу, которая моргнула один раз, едва заметно — синхронно с морганием человека, который тогда ещё не знал, что моргает на полсекунды дольше нормы.

Глава 1. Секунды

Камера моргнула. Один раз, едва заметно — синхронно с морганием Грэга, которое затянулось на полсекунды дольше нормы.

Строка выползла в углу монитора: **ВНИМАНИЕ: ПРИЗНАКИ УТОМЛЕНИЯ. ШТРАФ ОТЛОЖЕН ДО СЛЕДУЮЩЕГО НАРУШЕНИЯ.**

Грэг сел прямо. Раз, два, три. Снова в код — тот же код, что он писал семь лет, строка за строкой, как чётки.

Кабинка была полтора на полтора. Картон вместо стен, ка-

мера в каждом углу — может, и больше, настоящих, тех, о которых молчат. Под сиденьем — датчики: пульс, температура, дрожь зрачка. Уснёшь раньше срока — штраф. Позже — тоже штраф: значит, копил усталость незаконно.

Двенадцать часов. Три перерыва. Пятнадцать минут, пятнадцать минут, тридцать. На последних тридцати ты вырубаешься прямо в кресле, и разряд бьёт ровно по истечении лимита.

На стене кто-то выцарапал ногтем, давно, до Грэга: МЕНЯ УБИЛ ТОТАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ.

Он смотрел на эту надпись каждый день. Каждый день думал одно: корректировали его или просто закопали.

Грэгу было двадцать шесть. Волосы он потерял раньше, чем большинство успевает накопить на ипотеку. Тело — худое, ссутуленное, как у всех, кому слишком долго не хватало пространства, чтобы выпрямиться.

Контроль был везде — в стенах, на улицах, под землёй, в воздухе, который фильтровали досуха. Людей делили на три сорта. Обычные — рыбы в банке, плавают, потому что не знают других движений. Чипированные — те, кто хоть раз оступился, и теперь носит под черепом короткий поводок. Боты — те, кого не отличить от людей, разве что по взгляду: киборг держит зрительный контакт на полсекунды дольше, чем держал бы живой человек.

К какому сорту относился сам Грэг, он не знал.

В обед в комнату отдыха зашёл новенький — высокий па-

рень с табличкой «стажёр» на груди, не успевший ещё научиться держать спину так, как держали её все остальные, годами привыкшие к камере над столом. Он сел напротив Грэга, явно не зная порядков.

— Слышал, тут можно нормально поговорить? — спросил он, чуть понизив голос, не понимая ещё, что «нормально» в этом здании не значит «безопасно».

— Можно, — сказал Грэг осторожно. — Если знаешь где.

— А ты не знаешь?

— Знаю. Ты сидишь не за тем столом.

Парень оглянулся, не до конца понимая. Грэг не стал объяснять — объяснять означало бы привлечь внимание к собственному столу, к собственному знанию о микрофонах. Вместо этого он просто доел свою порцию молча, оставив новенького наедине с его наивностью. Через месяц, подумал Грэг, парень либо научится, либо исчезнет с этого этажа без объяснений. Третьего не было.

— Слушай, — не унимался стажёр, — а правда, что тут раньше реально были окна? В смысле, настоящие?

— Не знаю. Я тут уже семь лет — окон не застал.

— А куда они делись?

Грэг пожал плечами. На самом деле он знал — когда-то слышал от старого техника, проводившего ему инструктаж в первый день: окна заменили на сплошные панели после серии «инцидентов» в первый год работы корпорации, когда несколько сотрудников решили, что вид на улицу важнее ка-

рьеры. С тех пор окна в зданиях такого уровня не предусматривались вовсе — ни здесь, ни в большинстве административных башен города. Но рассказывать это новенькому в первый день означало посеять вопрос, на который у того ещё не было защиты.

— Спроси у кадровика, — сказал он вместо этого. — У них есть официальная версия.

Парень кивнул, разочарованный, но не настолько глупый, чтобы продолжать расспросы вслух. Грэг поймал себя на мысли, что когда-то — очень давно — он тоже был таким. Тем, кто задавал вопросы вслух, не понимая ещё цены ответа.

Семь вечера. Рабочий день кончился ровно по графику. Воздух снаружи был профильтрован так тщательно, что не пах вообще ничем.

Магазин в квартале продавал «разрешённое»: серую кашу без вкуса, белковые батоны без вкуса, напитки без вкуса. Безвкусица была не браком — целью. Вкус рождает удовольствие. Удовольствие рождает желание повторить. А желание — это уже почти эмоция, самый дорогой товар чёрного рынка страны.

Грэг свернул в переход. Между двумя пилонами — единственная точка города, где архитектура случайно ослепила камеры. Встал. Ждал.

Пять минут. Из тени вышел человек — дёрганный, оглядывающийся, как будто его гнали последние полгода без пе-

рерыва.

— Две минуты. Выбирай быстро.

— Что есть?

— Ванильное. Клубничное. — Пауза, шёпот, почти молитва: — Шоколадное. Пять косарей за сто грамм. Триста возьмёшь — скину до двенадцати.

— Сто клубничного, сто шоколадного.

— Двести? До трёхсот не дотянешь?

— Двести, Фрэнки. Хватит.

Фрэнки вынырнул из-под куртки с сумкой-холодильником, расфасовал шарики с точностью карманника. Пятнадцать секунд — сделка закрыта.

— Слышал? — бросил он, уже отступая в тень. — Западная застава. Пост пустой. Ни тел, ни крови — только обугленный круг на бетоне, ровный, будто циркулем чертили. Третий за год.

— И что это?

— А я почём знаю. — Усмешка одними губами. — Может, призраки балуются.

— А раньше что говорили про первые два случая?

Фрэнки замер на секунду — впервые за всё их знакомство Грэг увидел на его лице не привычную деловую настороженность, а что-то более глубокое.

— Первый раз — спалили, говорят, у одних дельцов несостыковки с поставками. Обычное дело, такое бывает. Второй — уже без объяснений. Просто стёрли из сводок, как будто

и не было. — Он понизил голос ещё сильнее. — Я тебе одну вещь скажу, и больше не спрашивай. У моего человека на западном складе есть знакомый, который видел этот второй пост за час до того, как он опустел. Сказал, оттуда шёл звук. Не взрыв. Гул. Как будто земля под постом дышала.

Тень его сомкнулась, прежде чем Грэг успел спросить что-то ещё.

На выходе дежурный держал Грэга полчаса — требовал объяснить четыре лишние минуты в переходе. Шнурки, сказал Грэг. Дежурный отпустил с пометкой «повышенное наблюдение».

Дома камеры — в каждой комнате. Грэг сменил батарейки во всех четырёх, сверил время — час до отбоя — и понёс пакет на кухню.

В подвале стоял светильник. С виду обычный. Внутри — самодельный генератор помех. В радиусе нескольких метров от него радар, читающий мысли, слеп. Здесь, и только здесь, Грэг мог мечтать.

Картофельное пюре он варил для вида — для детектора на потолке. Тарелку подменил в процессе.

Через десять минут он сидел перед телевизором с ложкой шоколадного, которое взрывалось на языке так, что глаза на секунду защищало.

Десять каналов — об эффективности труда, правильном питании, всеобщей безопасности и неизменно прекрасной политике. Начиналась любимая передача: «Новости с Джи-

мом Ричи».

Джим, как всегда, открывал зрителям теории заговора — чтобы коллега Ирвин Монтгомери эффектно разбивал их в эфире.

— Знаете ли вы, дорогие зрители, — начал Джим с привычной кривой улыбкой, — что мы живём в условиях полной информационной изоляции? Двадцать лет нам не говорят правды. Не верите? Спрошу кое-что. Кто стоит во главе правительства?

В голове Грэга всплыло смутное, неуверенное имя.

— А сколько всего стран в мире?

В детстве он знал — около сотни. Сейчас не знал ни одной цифры.

— Мы воюем сейчас? Конечно нет, скажете вы. А я скажу: за двадцать лет страна прошла три войны...

Джим говорил быстрее, тревожнее — про обломки боевого киборга у мусорки студии, про неизвестных хозяев происходящего.

— А кто-нибудь слышал про Архитектора? Человека, который всё это построил, а потом просто исчез? Я слышал о людях, которые ищут его до сих пор. Я слышал о группах, которые борются за свободу...

Эфир оборвался. «По техническим причинам».

За окном начинался дождь. Грэг сидел в темноте, не в силах пошевелиться. Что это было?

«Архитектор». То же слово, что в истории Фрэнки про гул

под землёй — нет, не то же самое, одёрнул он себя. Просто два разных вечера, два разных совпадения. Но рука, держащая пульт, не разжималась.

До отбоя оставалось десять минут. Он лёг. Сон не шёл — один и тот же вопрос ходил по кругу, без остановки, без ответа.

Кто стоит за всем этим?

Глава 2. Стол в углу

Под каждым столом столовой стоял микрофон — кроме одного, в дальнем углу у батареи, где мембрана барахлила, если придавить её коленом с правильной силой в правильном месте. Грэг нашёл это место случайно, на третий год работы, когда нечаянно задел стол ногой и услышал характерный щелчок. С тех пор они с Ллойдом садились туда каждый день. Надзор так и не починил — то ли не замечал, то ли это было частью чего-то, о чём Грэг предпочитал не думать.

Ллойд уже сидел, когда Грэг вошёл — большой, лысый, в чёрном до горла несмотря на духоту. Светочувствительность: глаза не переносили люминесцентного света, и тёмные очки шли в комплекте с чёрной одеждой как рабочая форма. Он двигал ложкой в пустой тарелке, давно забыв, что тарелка уже пустая, — это он всегда делал, когда думал о чём-то неприятном и не хотел, чтобы это было заметно.

— Хорошая погодка, — сказал он, когда Грэг сел напротив. — Климатические регуляторы сегодня особенно постарались.

В здании без окон это звучало как они оба понимали. Грэг придавил коленом мембрану — щелчок, тишина в нужном радиусе — и положил поднос на стол.

— Слышал вчера про Архитектора. По государственному каналу. Джим Ричи — его обрезали на середине фразы.

Ллойд перестал двигать ложкой.

Маленькая вещь. Ложка просто остановилась. Но Грэг за семь лет изучил Ллойда достаточно, чтобы знать: он останавливает ложку только когда что-то попадает в точку, которую он прикрывал.

— Где слышал — там и оставь, — сказал Ллойд, тихо, не поднимая очков. — Но раз уж спросил — да. Слышал. Ещё до тебя.

— Ты никогда не думаешь, как мы сюда дошли?

Долгая пауза. Ллойд поднял очки на лоб — жест, который делал только когда хотел, чтобы его видели всерьёз, без фильтра тёмного стекла.

— Думаю, — сказал он. — Только ответ мне не нравится, когда додумываю до конца. — Голос ровный, ложка снова начала двигаться. — Люди не любят думать про то, как они здесь оказались. Это требует признания, что когда-то был момент, когда можно было не оказаться — и они его пропустили. Проще злиться на систему, чем на собственное молчание в нужный момент.

— Значит, нужен кто-то, кто не промолчит.

Ллойд посмотрел на него поверх очков — взгляд, в кото-

ром читалось что-то между усталостью и чем-то более тёплым, что он редко позволял себе показывать.

— Поаккуратней с этим словом, Грэг. «Нужен» — это уже мысль. Мысль — уже почти действие. А радар не разбирает, какие действия ты только планируешь. — Он надвинул очки обратно. — Если ты действительно так думаешь — и я не говорю, что думаешь, я говорю если, — тогда найди информацию про Мэйсона Далтона. Он основал всё это. Потом исчез. Остальное сам додумаешь. — Ложка легла на тарелку. — И с этого момента, что бы ты ни нашёл — ты нашёл это сам, без моей помощи. Ясно?

Сообщение на рабочий терминал пришло за минуту до конца перерыва: «Сотрудник Рубич. Кабинет директора. Немедленно».

Грэг смотрел на экран достаточно долго, чтобы успеть сосчитать буквы в слове «немедленно» — одиннадцать. Привычка считать никогда не проходила, когда тревога была настоящей.

* * *

Кабинет директора Грэг видел один раз за семь лет — в день приёма на работу, стандартная процедура. Тогда он не запомнил почти ничего, кроме фиолетового ковра с эмблемой корпорации, который выглядел как чья-то личная шутка про лояльность.

Ковёр был на месте.

За столом сидел человек, которого Грэг знал только по

фотографиям во внутренней рассылке: директор подразделения, имя в документах — Клайв Харт, тело на тридцать при паспортном «за пятьдесят». Никаких морщин. Никаких признаков усталости вокруг глаз. Бордовая рубашка без пиджака, тёмно-синий галстук, руки на столе — неподвижные, как предметы, а не части тела.

Никто из сотрудников не говорил об этом вслух. Это тоже было частью правил.

— Сядь, — сказал Харт, не поднимая взгляда от планшета.

Грэг сел. Кресло было кожаное, глубокое, неудобно низкое относительно стола — архитектурное решение, которое он успел оценить за те три секунды, пока сажился. Человек в таком кресле смотрит снизу вверх. Всегда.

— Ты обедал с Ллойдом Бэнксом.

Не вопрос.

— Да, сэр.

— О чём говорили.

— О рабочем. Программа ТСУ-7348, я думаю, что она —

— Ты думаешь. — Харт наконец поднял взгляд. Объективы в глазных яблоках смотрели без моргания — не агрессивно, просто без той небольшой, почти незаметной неравномерности, которая есть в любом живом взгляде. — Это интересно. Расскажи, о чём ещё ты думаешь.

— О работе, сэр.

— Я в этой корпорации двадцать три года, — сказал Харт

тем же ровным голосом, каким мог бы сообщить температуру воздуха. — За двадцать три года я провёл этот разговор семьдесят четыре раза. Семьдесят четыре сотрудника сидели в этом кресле и говорили мне, что думали о работе. — Пауза, короткая, функциональная. — Ни один не ушёл отсюда с той же версией, с которой пришёл. Это не угроза. Это статистика.

— Корпорация не наказывает, Рубич.

Грэг не сразу понял, что это отдельная фраза, а не продолжение предыдущей.

— Корпорация исправляет. Разница принципиальная. Наказание предполагает вину. Исправление предполагает только несоответствие — между тем, что есть, и тем, что должно быть. Несответствие не моральная категория. Просто техническая.

Он нажал что-то под столом — Грэг не увидел что, движение было слишком незначительным, — и из подлокотников кресла вышли титановые крепления. Сомкнулись на запястьях раньше, чем Грэг успел отреагировать. Ноги — через секунду.

Боль пришла не сразу. Сначала давление — равномерное, нарастающее, методичное, как то, как сжимается тиски, когда человек крутит рукоятку без спешки.

— Болевое воздействие, — продолжил Харт тем же голосом, — является стандартным протоколом верификации. Не наказанием. Тело принимает решения быстрее разума, когда

разум занят конструированием правдоподобных версий. Мы просто помогаем процессу.

Грэг стиснул зубы. Семь лет он знал об этих протоколах теоретически — в инструкции для новых сотрудников был целый раздел о «процедурах верификации лояльности», написанный языком технического регламента. Теоретическое знание оказалось совершенно бесполезным, когда крепления затянулись сильнее.

— Клянусь, — выговорил он. — Мы говорили о программе —

— Клятвы не верифицируются, — сказал Харт. — Сыворотка верифицируется.

Укол пришёл сбоку — Грэг не видел откуда, просто ощутил иглу в шее и через несколько секунд — странное, очень неприятное ощущение, как будто что-то внутри черепа расслабилось без его разрешения. Не боль. Просто потеря сцепления между намерением и словом.

Последнее, что он видел отчётливо — Харт, берущий телефон и говорящий в него что-то, не глядя на Грэга, с тем выражением человека, который уже перешёл к следующему пункту списка.

* * *

Очнулся от голоса — женского, профессионально спокойного:

— Мистер Рубич. Слышите меня?

Комната была другой. Ковра не было. Четверо в белых ха-

латах, босс у стены — уже не за столом, просто стоит, скрестив руки. Во рту металл и что-то сладкое одновременно, как будто кто-то перепутал вкусы.

— Дыа, — сказал Грэг, и это было примерно всё, на что он был способен.

— Речь вернётся через минуту. Не торопитесь.

Доктор — мужчина, седые усы, усталые глаза человека, который провёл в этой комнате слишком много часов, — наклонился ближе.

— Несколько вопросов для верификации. Улица Хилроу, 27?

— Да.

— Девичья фамилия матери?

— Уолш. — Голос возвращался. — Анна Уолш.

— Вы говорили с Ллойдом Бэнксом сегодня в столовой?

И тут произошло то, против чего Грэг не мог ничего сделать — не потому что сыворотка сломала его волю, а потому что воля — это намерение, а намерение — это работа коры, а кора была отключена аккуратно и профессионально, и слова шли напрямую, минуя всё, что обычно их фильтровало.

Он говорил. Слышал себя. Не мог остановиться.

Архитектор. Мэйсон Далтон. Микрофон под коленом. Семь лет за одним столом. Всё это выходило наружу с той же неизбежностью, с какой вода течёт вниз — не потому что хочет, просто больше некуда.

Внутри — там, где сыворотка не добралась — он кричал:

ЗАТКНИСЬ. Снаружи — продолжал говорить.

Доктор делал пометки. Харт у стены слушал, не меняя выражения.

Когда поток иссяк, наступила пауза. Доктор что-то написал, не поднимая ручки.

— Последний вопрос, — сказал он. Голос у него был не жёстким — просто усталым, как у человека, который задаёт этот вопрос слишком часто и давно перестал ждать от него чего-то неожиданного. — Как вы относитесь к собственной жизни.

Грэг хотел ответить стандартно. Сыворотка не оставила стандартного.

— Не помню, когда в последний раз была причина проснуться, — сказал он. Голос вышел ровным — не дрожащим, что было почти хуже, потому что в дрожи есть хоть какое-то сопротивление, а в этой ровности была только усталость, слишком давняя, чтобы делать из неё событие. — Каждый день одинаковый. Я даже не злюсь. Просто пусто.

Пауза.

— А что такое свобода для вас?

Он не хотел отвечать на это. Вопрос был из тех, которые опаснее других — не потому что ответ криминален, а потому что честный ответ означает признание, что ты думал об этом достаточно долго, чтобы иметь ответ.

— Не знаю, — сказал он. — Кажется, забыл, как это — хотеть чего-то, кроме как пережить день.

Доктор не сделал пометку. Просто смотрел на него несколько секунд — не с профессиональным интересом, а с чем-то менее понятным. Как будто в этой комнате, где он верифицировал людей годами, что-то впервые не уложилось в привычную схему.

— Достаточно, — сказал он наконец. — Изолятор.

Двое в халатах взяли Грэга под руки. Харт уже смотрел в телефон — следующий пункт списка.

Доктор остался в комнате один. Запись допроса светилась на экране перед ним. Он смотрел на неё дольше, чем требовал протокол — на последние два ответа, которые не были ни угрозой, ни планом, ни даже намерением. Просто честность человека, у которого кончились силы притворяться, что всё в порядке.

Через минуту он закрыл запись. Написал в отчёте: «Субъект верифицирован. Угроза уровня два. Рекомендовано изолирование».

Вышел, не оглядываясь.

Глава 3. Изолятор

— Встать, заключённый!

Удар в бок — несильный, но достаточный сквозь остатки транквилизатора. Грэг не встал. Не потому что не хотел — просто тело ещё решало, какие команды выполнять, и вставание в список пока не попало.

Офицер над ним был невысокий, плотный, со шрамом через всё лицо — от виска до подбородка, старый, давно по-

белевший, из тех шрамов, которые человек носит так долго, что перестаёт замечать, но замечают все остальные. Он бил не со злостью — с методичностью, как делают работу, которую давно выучили наизусть.

— Я сказал встать.

Второй удар — в живот. Грэг закашлялся, почувствовал во рту металл, попытался сфокусировать взгляд на потолке. Потолок был серый, с одним пятном сырости в форме, отдалённо напоминающей кирпич. Он насчитал его границы — восемь, девять, нет, семь — и сбился.

— Не могу шевелиться.

— Не можешь или не хочешь подчиняться?

Голос в дверях — другой, спокойный, с той особой тяжестью, которая бывает у людей, привыкших к тому, что их слушают с первого слова:

— Офицер. Прекратить.

Краткая пауза — человек у двери явно стоил тех, кому не возражают, — и шаги удалились. На выходе офицер бросил что-то про «вернусь», не оборачиваясь. Грэг не стал запоминать.

* * *

Вошедший не торопился. Чёрное пальто, шляпа, туфли — всё правильное, всё из другой эпохи, когда вещи были сделаны так, чтобы служить долго, а не заменяться по расписанию. Он прошёл по камере, считая шаги — четыре в длину, чуть меньше в ширину, — и остановился.

— Четыре десять на четыре семь. По нормам — четыре пятнадцать на четыре пятнадцать. — Пауза. — Третье нарушение за сегодня в этом блоке.

— А вот четвёртое, — сказал Грэг, не поднимаясь с пола. — Офицер, который только что меня бил, делал это пока я не мог двигаться под транквилизатором. Это не было в списке нарушений?

Человек посмотрел на него — не удивлённо, скорее с интересом человека, услышавшего реплику, которой не ожидал.

— Зовите меня Роб, — сказал он и сел рядом на пол, без колебаний, как будто полы изоляторов были его привычной рабочей средой.

Грэг закрыл глаза. Рёбра болели — не остро, а той тупой, глубокой болью, которая говорит, что будет хуже, когда транквилизатор окончательно выйдет.

— Не знаю, что вам сказать, Роб. Что бы я ни сказал — результат один.

— Не обязательно, — сказал Хитч. И достал из внутреннего кармана свёрток — белая бумага, плотно свёрнутая, с тем бережным отношением, с каким хранят вещи редкие. — Без уловок.

Сигарета. Marlboro Red, настоящая — Грэг узнал запах раньше, чем успел подумать, что уже забыл этот запах, и само это узнавание было странным: как узнать голос человека, которого не видел двадцать лет.

Закашлялся с первой затяжки. Со второй — дым лёг в лёгкие ровно, и по телу прошло что-то тёплое, почти неприличное в этой ситуации.

— Откуда?

— Стажил. У одного из тех, кого мы взяли на западе месяц назад. Хранил для особого случая. — Хитч закурил сам. — Особые случаи в моей работе нечастые.

— Что вы хотите?

— Ллойд Бэнкс. Улик достаточно для задержания, не достаточно для дела. Ваши показания закроют вопрос. — Он смотрел не на Грэга, а в стену напротив. — В худшем для вас случае — корректировка. Знаете, что это такое?

— Имею представление.

— Нет, — сказал Хитч. — Представления обычно неточные. Это не смерть и не кома. Это — вы, наблюдаете себя изнутри через экран, пока тело делает то, что ему говорят. Неделями. Иногда годами. Технически всё ещё живёте.

Грэг докурил до фильтра. Положил окурочок на пол рядом с собой — не затоптал, просто положил, потому что это была последняя хорошая вещь за сегодня и он не хотел её давить ногой.

— А если соглашусь?

— Часть вашей ответственности переходит на него. Чип контроля, понижение. Но живёте как прежде.

Грэг смотрел на окурочок на полу.

Ллойд в тёмных очках,двигающий ложкой в пустой та-

релке. Семь лет одного стола, одного барахлящего микрофона, одного способа говорить то, что нельзя говорить нигде больше. Совет, данный осторожно, с оговоркой «я ничего не говорил». Человек, который не был героем и не притворялся.

Можно было объяснить себе: его всё равно возьмут. Без показаний — позже, с показаниями — сейчас, результат тот же. Можно было объяснить многое — у него было достаточно времени на полу изолятора, и мозг умеет конструировать объяснения быстро, когда ищет выход.

Он посчитал пятно сырости на потолке ещё раз. Семь границ. Точно семь.

— Не могу, — сказал он. — Ллойд не сделал ничего, за что я должен его сдавать.

Хитч не изменился в лице. Записал что-то в блокнот — коротко, одну строку — и встал.

— Значит, на сегодня всё. — Пауза, в которой было что-то, что Грэг не смог сразу назвать. — Мне жаль. Но я рад, что вы это сказали.

Ушёл. Грэг остался с пятном сырости на потолке и ощущением, что принял единственное решение за весь день, которое было его собственным.

Глава 4. Тот, кто остался

Ллойд узнал об аресте Грэга на следующее утро — не от кого-то конкретного, а по тому, как изменилась столовая. Стол в дальнем углу, тот, что с барахлящим микрофоном, остался пустым. Никто не сел на привычное место Грэга, хо-

тя свободных мест больше не было нигде.

Он доел свою порцию молча, не глядя по сторонам, чувствуя, как каждый взгляд в его сторону длится на долю секунды дольше обычного. Так смотрят на человека, который скоро тоже исчезнет — заранее, с лёгким сочувствием, не желая привлекать к этому процессу собственное внимание.

Вечером за ним пришли. Не агенты в чёрном, не спецотряд — просто двое в форме внутренней безопасности корпорации, вежливые, как будто провожали на повышение.

— Стандартная проверка, мистер Бэнкс, — сказал один.
— Формальность.

Формальность заняла шесть часов. Ллойд сидел в комнате без окон — таких в здании было слишком много, чтобы удивляться ещё одной — и отвечал на одни и те же вопросы по третьему кругу, пока следователь не устал переспрашивать.

— Вы обсуждали с сотрудником Рубичем тему Архитектора?

— Я уже сказал. Мы обсуждали программное обеспечение.

— Сотрудник Рубич утверждает обратное.

— Сотрудник Рубич, очевидно, был под воздействием сыворотки правды, когда это говорил. Я — нет.

Это была единственная защита, которая у него оставалась — формальная, юридически шаткая, но достаточная, чтобы не дать делу немедленно перейти в следующую стадию.

Закон, по крайней мере на бумаге, всё ещё различал признание под препаратом и признание добровольное. Различие было тонким, почти декоративным — но иногда декоративных различий хватало, чтобы остаться на свободе ещё на день.

Его отпустили под подписку о неразглашении и понижении уровня допуска. Хуже, чем было. Не настолько плохо, как могло бы быть.

* * *

Дома, в съёмной квартире на окраине промышленного района, Ллойд налил себе разрешённого алкогольного суррогата — единственного напитка, который продавался легально и при этом действительно туманил голову, что само по себе казалось странной уступкой системы, не вписывающейся в общую логику контроля. Потом он понял почему: суррогат притуплял не только тревогу, но и способность к организованному мышлению. Идеальный клапан для выпуска пара, не способный породить ничего, кроме похмелья.

Он включил единственный канал, который ему разрешалось смотреть после понижения допуска — государственное вещание о положении на фронте.

«Западный рубеж укрепляется, — вещал диктор бесцветным, отрепетированным голосом. — Поставки ресурсов на линию обороны идут по графику. Враг отступает на всех направлениях.»

Ллойд слышал эту фразу — «враг отступает» — почти

ежедневно последние три года. Если враг действительно отступал три года подряд, логично было бы предположить, что война давно закончилась победой. Она не заканчивалась.

Он никогда толком не понимал, с кем именно воюет страна. Официальная версия менялась в зависимости от десятилетия — то соседнее государство, покушавшееся на ресурсы, то внутренние сепаратисты, то, в последние годы, всё чаще звучало неопределённое «внешние силы», без уточнения, кто эти силы и откуда взялись. Ллойд подозревал — без доказательств, просто по логике многолетнего наблюдения, — что война давно перестала быть конфликтом с конкретным противником и превратилась в нечто иное: постоянное состояние, необходимое системе так же, как ей были необходимы пайки и комендантский час. Война оправдывала дефицит. Дефицит оправдывал распределение. Распределение оправдывало контроль.

«Разрешённые продукты» появились, насколько он помнил по старым документам, к которым имел доступ ещё до понижения, как «временная мера военного времени» — двадцать два года назад. Временная мера не отменялась никогда, потому что отменить её означало бы признать, что временные условия стали постоянными, а постоянные условия требовали объяснения, которого никто не готов был дать вслух.

Он выключил телевизор и сел в темноте, думая о Грэге — где он сейчас, что с ним делают, выживет ли вообще. Ллойд

не был героем. Он понимал это о себе ясно, без иллюзий. Он не пошёл искать Грэга, не попытался вытащить его, не стал задавать опасных вопросов начальству. Он сидел в темноте съёмной квартиры ипил суррогат, как тысячи людей до него, переживших чужую беду тем единственным способом, который оставляла им система: молча, в одиночестве, ничего не предпринимая.

Через два дня на пороге его квартиры появился конверт без подписи. Внутри — единственный листок с одним именем, написанным от руки: Мэйсон Далтон.

Ллойд долго смотрел на это имя, вспоминая собственный совет Грэгу в столовой — найти информацию об этом человеке, проявить хотя бы любопытство. Он не ожидал, что кто-то воспримет этот совет всерьёз. Не ожидал, что это будет иметь последствия для него самого.

Он сжёг листок в раковине, наблюдая, как огонь съедает бумагу, и подумал — без особой уверенности в собственных словах, скорее как формулу, призванную успокоить себя самого, — что, возможно, на этом всё закончится. Что система, поглотившая Грэга, не станет интересоваться человеком, который просто упомянул имя в разговоре за обедом, придавив коленом барахлящий микрофон.

Он не знал тогда, что ошибается. Не знал, что эта ошибка будет стоить ему не свободы, но чего-то другого — медленного, тихого исчезновения из истории, в которой он сыграл свою роль и был забыт, как забывают второстепенных пер-

сонажей в чужой драме, даже если для них самих эта драма была единственной жизнью, которая у них была.

Глава 5. Сон в детстве

Без сознания Грэг видел сны.

Один возвращался снова и снова, как заевшая пластинка.

Прихожая родительского дома. Канун Рождества. Он прячется в углу, затаив дыхание, ждёт Санту с механическими крыльями — единственное, о чём мечтал весь год. Представлял, как летает над городом, навещает бабушку каждый день, улетает прямо с уроков, и никто не может его остановить.

Весь год он вёл себя идеально. Только бы Санта не подвёл.

Прождал почти всю ночь. И увидел — за секунду до того, как сон взял своё, — отца, на цыпочках кладущего коробки под ёлку.

Утром не сказал ничего. Открыл подарок — конструктор LEGO — и поблагодарил Санту с искренностью, в которую сам почти поверил.

* * *

Сон менялся, как менялся каждый раз, когда возвращался к нему. На этот раз после прихожей появилась кухня — позже, годы спустя, отец уже постаревший, мать накрывает на стол скудный, по нормам пайка, ужин.

— Папа, — спросил он во сне, тем голосом, которым говорят только дети, даже если телу в этом сне было уже почти двадцать, — а ты веришь во что-нибудь? По-настоящему?

Отец долго молчал, разглядывая тарелку перед собой.

— Раньше верил, — сказал он наконец. — В справедливость. В то, что усердный труд вознаграждается. — Он поднял взгляд, и в глазах было что-то усталое, давно смирившееся. — Теперь верю только в расписание. Оно хотя бы не врёт о своих намерениях.

— А мама?

Мать не ответила — просто продолжала раскладывать еду по тарелкам, как будто вопрос не был задан вслух, как будто во сне ей не полагалось голоса, только движений, заученных за годы одинаковых вечеров.

Грэг проснулся в своей кровати за час до отбоя в ту реальную ночь — задолго до ареста, задолго до корректировки, в обычный вечер обычной недели — и долго лежал, глядя в потолок, пытаясь вспомнить, верил ли он сам хоть во что-то по-настоящему, кроме расписания. Ответ не находился. Возможно, подумал он тогда, это и было самой страшной частью системы — не камеры, не штрафы, а то, что она незаметно забрала у него способность задавать этот вопрос всерьёз, оставив только усталость от самого факта, что вопрос существует.

Прошло двадцать лет с того рождественского утра с конструктором LEGO. Грэга по-прежнему окружала одна ложь, и он по-прежнему делал вид, что живёт жизнью, которую выбрал сам.

Глава 6. Корректировка

Судебная комиссия постановила: «корректировка» Грэг-

ри Рубича. Высшая террористическая угроза. Особый контроль.

Три дня в Отделе исправления, и тело перестало быть его телом.

Он помнил это не как список процедур — как ощущение. Холод, который не проходил часами. Звук собственного сердцебиения, исчезающий из груди, заменённый чем-то тише и ровнее, без перебоев, без жизни в этой ровности. Момент, когда он попытался сжать кулак и почувствовал заминку — долю секунды между намерением и движением, как будто сигнал теперь шёл через кого-то ещё, кто решал, пропускать его или нет.

Первое, что он потерял — запахи.

Не сразу, не резко. Просто на второй день обнаружил, что не чувствует ничего, хотя знал: где-то рядом работает вентиляция, которая всегда несла с собой запах озона и горячего металла. Он потянулся к этому запаху сознанием — и нашёл пустоту. Ровную, без края, как стена без окна. Позже он понял, что это было первым симптомом того, что они называли «нормализацией сенсорного профиля». Красивая фраза для простого факта: человеку убирали всё лишнее. Запахи были лишними. Вкус был лишним. Температура кожи — лишней.

Оставляли только то, что помогало выполнять функцию.

* * *

На первые сутки у него ещё была иллюзия контроля.

Он лежал на металлическом столе, фиксированный, но

в сознании, и пытался систематически удерживать в голове конкретные вещи: имя Ллойда, цвет его очков, число семьдесят три — кирпичи в ряду той стены в столовой, которую он считал сотни раз. Это казалось ему важным — держаться за числа, за имена, за детали, которые система не могла у него забрать, потому что они существовали только внутри, не снаружи, не в венах и не в костях.

Семьдесят три. Ллойд. Чёрные очки. Семьдесят три.

Техники работали молча. Их лица он не запоминал — не потому что не хотел, а потому что они сами, кажется, делали всё, чтобы не быть запомненными: двигались за пределами его прямого взгляда, говорили между собой только цифрами и кодами, никогда именами. Грэг решил, что это тоже часть процедуры. Объект корректировки не должен очеловечивать тех, кто его корректирует. Иначе процедура усложняется.

Он считал кирпичи. Держался.

На третьем часу первых суток что-то изменилось в температуре воздуха — или ему показалось, что изменилось, — и он почувствовал укол в основание черепа, тонкий, почти незаметный, после которого счёт кирпичей начал путаться.

Семьдесят... семь? Нет. Три. Семьдесят три.

Или семьдесят четыре?

Он пересчитывал снова и снова, и каждый раз получал разное число, и понял, что дело не в кирпичах — дело в том, что что-то внутри него начало скользить, как будто пол, на котором он стоял всю жизнь, слегка накренился, и теперь

всё, что раньше лежало ровно, медленно съезжало к одной стене.

* * *

На вторые сутки он перестал слышать собственный голос изнутри.

Не снаружи — снаружи он ещё мог говорить, когда ему позволяли. Но внутренний голос, которым он думал, — тот, которым мысленно разговаривал сам с собой всю жизнь, проговаривал решения, спорил с собой перед сном, — этот голос стал чужим. Не исчез. Просто потерял интонацию. Стал ровным, как показания прибора, без раздражения, без иронии, без той еле слышимой усталости, которая всегда была в нём по вечерам.

Он попробовал думать о Ллойде — не имя, а человека, конкретно: как тот смеётся, как двигает ложкой в пустой тарелке, когда увлечён разговором и забывает, что уже поел. Образ пришёл, но плоский, как фотография вместо воспоминания. Без тепла, без запаха столовой вокруг него, без звука голоса.

Это напугало его сильнее, чем боль.

Боль он мог переносить. Боль была понятна — она означала, что тело ещё его, что оно реагирует, что между ним и миром ещё существует прямая связь. Плоская фотография вместо живого воспоминания означала что-то другое: что связь начали перерезать не снаружи, а изнутри.

Он попробовал вспомнить запах столовой. Пустота.

Попробовал вспомнить, как звучит смех Ллойда. Пришло что-то абстрактное — «смех», категория, не звук.

Попробовал вспомнить вкус разрешённого кофе из автомата — единственного, что он пил каждое утро последние шесть лет. Ничего. Даже не пустота. Просто отсутствие места, где воспоминание должно было бы находиться.

Они убирали не только сенсорику. Они убирали сами маршруты, которыми память добиралась до ощущений. Не стирали — перекрывали. Как замуровывают дверь: стена на месте, за стеной что-то есть, но пройти уже нельзя.

Он оставил только число. Семьдесят три. Это не требовало ни звука, ни запаха, ни тепла. Просто число. Числа не замуруешь.

* * *

В перерыве между процедурами, на вторые сутки, к нему подошла техник — молодая женщина с уставшими глазами и бейджем «Стажёр-инженер, 2 года практики». Она проверяла показания на панели рядом с его креслом, не глядя на лицо — стандартная процедура, как объясняли ей на инструктаже: не смотреть в глаза объекту корректировки до завершения, чтобы не создавать ложного ощущения межличностного контакта у пациента в переходной фазе.

Но в этот раз она посмотрела.

— Вы меня слышите? — спросила тихо, чуть наклонившись, хотя протокол этого не предусматривал.

Грэг не мог ответить — голосовые связки уже были ча-

стично заменены, речевой аппарат проходил калибровку. Но он моргнул — раз, осторожно, в попытке показать, что слышит.

Женщина быстро оглянулась на дверь, затем снова на него.

— Меня зовут Рейчел, — прошептала она. — Я не должна этого говорить, но... мне жаль. То, что с вами делают — неправильно. Я работаю здесь два года и до сих пор не привыкла.

Грэг моргнул снова — медленнее.

— Не все здесь одинаковые, — продолжила она, почти не разжимая губ, как человек, давно научившийся говорить так, чтобы микрофоны не улавливали интонацию. — Некоторые из нас... — она замолчала, не закончив фразу, словно сама испугалась того, к чему вела.

Дверь открылась. Вошёл старший техник, и Рейчел мгновенно вернулась к панели, лицо снова застыло в профессиональном безразличии.

— Показания в норме, — доложила она ровным голосом. — Можем переходить к следующему этапу.

Грэг запомнил это имя — Рейчел — и положил его рядом с числом семьдесят три и именем Ллойда. Три точки опоры в пространстве, которое продолжало наклоняться. Не как надежду — для надежды было слишком рано и слишком больно, — а просто как факт. Не все здесь одинаковые. Фраза, оборванная на середине, осталась в нём занозой, такой же,

как слово «Архитектор» месяцами раньше. Ещё одна нить, которую он не мог проследить до конца, но которую запомнил — на случай, если однажды она пригодится.

* * *

На третьи сутки его поместили в банку.

Не физически — тело осталось там, где было, на столе, в кресле, в коридорах Отдела. Но сознание — то, чем он был по-настоящему, внутренний голос без интонации, плоские фотографии вместо воспоминаний, три точки опоры — сознание сдвинули. Не уничтожили. Сдвинули в сторону, как задвигают мебель, освобождая место для чего-то более важного.

Он понял это не сразу.

Сначала просто заметил, что смотрит на потолок — но не своими глазами. Угол был другой. Резче. Чище. Без той лёгкой расфокусировки, которая всегда была у него при усталости. Потом понял: это объективы. Не его глаза — объективы в его глазах, откалиброванные точнее, чем любой живой орган.

Тело двигалось. Он этого не приказывал.

Техник что-то сказал — слова пришли обработанными, уже переведёнными в команду, не в смысл. Тело встало. Прошло по комнате. Остановилось у стены. Всё точно, всё правильно, без лишних движений.

Грэг смотрел на это изнутри — из места, которое было не совсем местом, скорее позицией наблюдателя, лишённо-

го пульта управления. Стеклянная банка с водой, в темноте. Экран вместо окна. Звук без права ответить.

Он попробовал закричать.

Не вышло — не потому что крик физически невозможен, а потому что кричать было некуда. Звук, который мог бы стать криком, растворялся раньше, чем достигал горла. Как кричать в вакууме — движение есть, результата нет.

Он считал кирпичи.

Семьдесят три. Ллойд. Рейчел. Семьдесят три.

Цифры держались. Имена держались. Внутри стеклянной банки, в темноте, не видимые никому снаружи — держались. Это было единственное, что у него осталось. Он не знал тогда, что именно это — способность держаться за конкретное, за число, за имя, за одну оборванную фразу — окажется трещиной, через которую со временем выйдут всё остальное.

* * *

Вены — сверхпластичные микроканалы. Кости — титан, выточенный на наноуровне. В груди, где было сердце, — выпуклый металлический контейнер с системой поршня. Мозг оставили на месте, но вычистили «лишние» отделы. Внедрили чип удалённого управления. В глазные яблоки — объективы. В уши — скрытые микрофоны. Геолокация сделала его местонахождение постоянно известным.

Внешне он не изменился — кроме металлической выемки в груди. Он больше не будет стареть.

И всё-таки Грэг сохранил сознание. Без души машина не

включается — душа главный генератор. Единственный выход — заблокировать её, замуровать.

Теперь сознание сидело внутри стеклянной банки с водой, в темноте, наблюдая мир через экран — те самые объективы, что заменили глаза. Без права голоса. Без права действия. Зритель собственной жизни, который мог только смотреть, как тело, бывшее когда-то им, делает то, что прикажут.

— Сынок, вижу, ты освоился, — сказал один из мастеров. — Теперь сможешь вступить в общество, иметь законные права. Уверен, тебе понравится.

Он не мог ответить. Стекло было слишком толстым.

Но три точки опоры оставались там, где он их положил.

Семьдесят три. Ллойд. Рейчел.

В темноте, в банке, без права голоса — он держал их. И решил, что будет держать, пока не найдёт способ разбить стекло.

* * *

ДЕНЬ 1. Полное боевое обучение. Вшитая программа — выучить любой приём, увидев исполнение один раз.

ДЕНЬ 5. Слежка за подозреваемым Фрэнком Коллинзом, торговля запрещёнными продуктами. Фрэнки.

Сознание в банке узнало имя за долю секунды до того, как тело двинулось вперёд. Хотело закричать. Не смогло.

ДЕНЬ 13. Захват при задержании. Объект сопротивляется. Узнаёт Грэга — за миллисекунду до того, как Грэг устраняет его.

ДЕНЬ 27. Задержание группы вандалов, ломавших камеры.

ДЕНЬ 41. Зачистка Ангельского перекрёстка. 13 задержаны, 8 убиты.

Высшее руководство замечает результаты, переводит Грэга в Высший отдел по борьбе с терроризмом — под начало агента Хитча.

* * *

ДЕНЬ 42.

— Что же они с тобой сотворили, мой друг? — это были первые слова Хитча.

— Не понимаю вашего вопроса, сэр.

Хитч вздохнул.

— Всё ясно, боец. Теперь ты в моём отряде. Наша цель — не задержание. Уничтожение. Всех свободоборцев по всему миру. Как поняли, агент Рубич?

— Понял предельно ясно, сэр.

Хитч соперничал Грэгу больше, чем кто-либо мог заметить. Изменить уже ничего не мог.

ДЕНЬ 49–131. Высадка на Западном берегу. Уничтожено 90% повстанцев. Грэг лично перебил лагерь из 87 человек, получил золотую медаль. Семеро агентов вернулись живыми, включая Хитча и Рубича.

После операции Грэга направили следить за собственным командиром.

ДЕНЬ 163. Месяц наблюдения дал результат: агент Хитч

проявляет «не вполне законные мысли при радарной слежке». Приказ — арестовать Хитча.

* * *

Глубокая ночь. Грэг беззвучно вошёл в дом Хитча — дверь была не заперта.

Внизу, в подвальной спальне, Роб сидел на кровати с пистолетом в одной руке и бокалом виски в другой.

— Грэг? Это ты, дружище?

— Это я, агент Рубич. Вы догадываетесь, зачем я здесь.

— Послушай, старина. — Роб допил остатки виски. — Помнишь наш разговор в изоляторе? До того, как тебя превратили в это.

Сознание Грэга в своей банке забилось о стеклянные стенки — впервые за долгое время к нему обращались напрямую. Не к телу. К нему самому.

— Я пошёл в агенты в пятнадцать лет, добровольно, — продолжал Хитч. — Думал, смогу сосуществовать с системой изнутри. Совершал ужасные вещи и не чувствовал ничего — пока груз не стал слишком тяжёлым. Видел их во снах. Всех, кого убил. Понял, почему был единственным «нормальным» в отделе. Все добровольцы до меня в какой-то момент не выдерживали груза вины. А когда увидел тебя — понял, что ты другой. Никто обычно не задаёт тех вопросов, которые задавал ты.

— Как ты узнал, что я приду?

— Слишком долго работаю в этой службе, чтобы не заме-

тить слежку за собой.

— Почему не сбежал?

— От нашего отдела никому не скрыться.

— Признаёте себя виновным в террористических мыслях?

— Признаю. — Тяжёлый вздох. — Но перед тем, как сделаешь что должен, выполни моё последнее желание. Таковы правила.

— Слушаю.

— В шкафу полка с делами разных времён. Найди дело Мэйсона Далтона. Один из основателей нашей системы. В какой-то момент исчез без следа. Поиски два года — ничего. Хочу, чтобы ты заинтересовался им. Хотя бы из любопытства.

Имя отозвалось в Грэге чем-то странно знакомым — обрывком, который он не мог поймать.

Хитч медленно снял пистолет с предохранителя.

— Грэгори. Тебе ещё рано сдаваться. Борись, друг. Не обращай внимания ни на своё бездушное тело, ни на других агентов. Ты сможешь выбраться из этой банки. Я верю в тебя.

Сознание Грэга билось о стекло сильнее, понимая, к чему всё идёт.

— Прощайте!

Выстрел прогремел в тишине дома.

Сознание Грэга закричало внутри своей банки — впервые с тех пор, как его замуровали там. От крика и ударов стекло

дало трещину. Маленькую, длиной около метра. Но настоящую.

Тело Грэга, безразличное к происходящему внутри, методично покинуло дом Хитча, унося с собой папку с надписью: «Особо секретно. Дело Мэйсона Далтона».

Глава 7. Стажёр

Рейчел Морс получила место в Отделе исправления в двадцать два года — через конкурс, который проходили четыреста человек на восемь мест, и который она выиграла благодаря единственному навыку, унаследованному от отца: умению не задавать лишних вопросов в нужный момент.

Отец работал инженером-наладчиком на производстве тридцать лет. Главное, что он передал ей — не технические знания, а науку молчания. Когда молчать выгодно. Когда молчать необходимо. Когда молчание — единственная форма самосохранения, доступная человеку без связей и капитала, живущему на стандартный паёк в квартире с одним окном.

— Ты умная, — говорил он ей, когда она была ещё достаточно маленькой, чтобы слушать подобные вещи всерьёз. — Но умным здесь живётся хуже, чем тихим. Найди способ быть обоими.

Она нашла. Поступила на инженерный факультет, специализация — биомеханические системы. Писала правильные контрольные работы, отвечала на правильные вопросы, дружила с правильными людьми. Не потому что боялась — про-

сто давно поняла, что система вознаграждает не тех, кто умнее, а тех, кто удобнее. Она решила быть удобной достаточно долго, чтобы стать незаменимой. А потом — посмотреть.

В Отдел она пришла с убеждением, которое разделяли большинство её однокурсников: корректировка — необходимая процедура, не жестокость. Система защищает большинство от меньшинства, готового её разрушить. Цена иногда высокая, но альтернатива хуже.

Первые шесть месяцев она в это верила.

* * *

Первый объект корректировки, которого она видела вблизи, звали — по документам — Субъект 7-А. Мужчина лет пятидесяти, бывший учитель, осуждённый за распространение несанкционированных исторических материалов среди несовершеннолетних. Рейчел вошла в процедурный зал для калибровки датчиков — стандартная задача второго уровня, ничего сложного — и увидела его лицо.

Он не кричал. Не просил. Просто смотрел в потолок с выражением человека, который уже принял то, что происходит, и теперь занят чем-то внутренним, недоступным людям в белых халатах вокруг него.

Рейчел откалибровала датчики. Вышла. Написала в отчёте: «Показания в норме. Процедура идёт по протоколу».

Ночью не спала. Утром решила, что это нормально — первый раз всегда тяжело. Привыкнет.

Она не привыкла.

* * *

Ко второму году она разработала собственную систему.

Не смотреть на лица дольше необходимого. Работать быстро. Думать о технической стороне — датчики, показания, калибровка — и не давать мыслям уходить дальше. Писать отчёты в пассивном залоге: «процедура выполнена», «показания зафиксированы», «объект переведён». Пассивный залог убирал субъект действия. Никто ничего не делал — всё просто происходило.

Это помогало. Не полностью, но помогало.

Она знала, что коллеги используют похожие стратегии. Старший техник Воррен никогда не задерживался в процедурном зале после завершения работы — уходил первым, не оглядываясь, с тем особым ускорением человека, убегающего от собственного взгляда в зеркало. Доктор Пайн пила слишком много разрешённого суррогата по пятницам. Инженер Со считала что-то под нос во время сложных процедур — позже Рейчел поняла, что он считает не цифры протокола, а что-то своё, личное, как заземление.

Никто об этом не говорил. Это был молчаливый договор людей, делающих работу, о которой не принято говорить вслух даже между собой.

* * *

Субъект 11-Д поступил в начале её двадцать пятого месяца службы.

По документам: Грэгори Рубич, тридцать один год, офис-

ный сотрудник, категория угрозы — высшая, протокол — полная корректировка с сохранением сознания для последующего оперативного использования.

Рейчел читала документы перед процедурой, как всегда. «Сохранение сознания для оперативного использования» — фраза, которую она видела редко. Большинство корректировок шли по стандартному протоколу: замена органов, блокировка нежелательных когнитивных паттернов, базовая переориентация. Сознание при этом не сохранялось в полном смысле — просто переписывалось достаточно, чтобы человек функционировал в новой роли.

Здесь было другое. Здесь сознание оставляли намеренно — запертым, изолированным, живым. Как батарею. Как топливо.

Она прочитала это трижды. Отложила документы. Взяла снова.

«Сохранение сознания для оперативного использования».

Она написала в своей внутренней тетради — той, которую вела дома, зашифрованной системой, которую сама изобрела в студенческие годы, не зная тогда, что когда-нибудь она понадобится всерьёз: *это не корректировка. это тюрьма. внутри тела. он будет смотреть из неё и не сможет ничего сделать. и мы будем знать об этом и продолжать работать рядом.*

Закрыла тетрадь. Пошла на смену.

* * *

На вторые сутки процедуры она вошла в зал для стандартной калибровки датчиков.

Субъект 11-Д лежал в кресле. Процедура была в активной фазе — речевой аппарат уже частично заменён, голосовые связки на калибровке. Говорить он не мог.

Рейчел начала работать с панелью. Не смотреть на лицо — стандартное правило, она его соблюдала почти всегда.

Почти.

Она не могла потом объяснить, почему именно в этот раз посмотрела. Может быть, что-то в том, как он держал голову — не запрокинутой, как у большинства объектов в этой фазе, а слегка повернутой, как будто всё ещё пытался видеть что-то конкретное в комнате, а не просто потолок. Как будто внутри был кто-то, кто ещё не сдался.

Она посмотрела.

И сказала то, что сказала — тихо, быстро, нарушая протокол, который соблюдала двадцать пять месяцев без единого исключения.

Его имя она не знала тогда — только номер. Но он моргнул. Два раза. И в этих двух морганиях было что-то настолько явно человеческое, настолько недвусмысленно — *я здесь, я слышу, я есть* — что она почувствовала, как что-то внутри неё, державшееся очень долго и очень крепко, дало небольшую, аккуратную трещину.

Вошёл Воррен. Она вернулась к панели.

— Показания в норме. Можем переходить к следующему этапу.

Голос ровный. Протокол соблюден. Отчёт будет написан правильно.

* * *

В тот вечер она открыла зашифрованную тетрадь и написала его имя — то, которое нашла в системе, нарушив ещё один протокол, запрещавший сотрудникам её уровня доступ к личным данным объектов вне служебной необходимости.

Грегори Рубич. Тридцать один год. Офисный сотрудник. Спросил о чём-то запрещённом за обедом. Этого оказалось достаточно.

Она закрыла тетрадь. Долго сидела в темноте своей квартиры с одним окном, слушая, как за стеной сосед смотрит разрешённое телевидение — тот же выпуск новостей, который она слышала каждый вечер последние два года, с той же интонацией диктора, с теми же фразами о фронте и стабильности и правильном курсе.

Она думала об отце. О его науке молчания. О том, что быть тихой и быть удобной — это стратегия выживания, которую она понимала и принимала. Но была ли разница между стратегией выживания и соучастием, и если была — где именно проходила эта граница, и как долго можно притворяться, что не видишь её?

Ответа у неё не было. Только вопрос, который теперь не давал спать так же методично, как прежде давали спать про-

токолы и пассивный залог в отчётах.

* * *

Она продолжала работать.

Рейчел не ушла из Отдела — ни через неделю, ни через месяц. Она понимала, что уйти означало бы привлечь внимание к тому, почему уходит. А внимание означало проверку. Проверка означала тетрадь, зашифрованную системой, которую она сама изобрела, — недостаточно хорошо зашифрованную, чтобы устоять перед профессиональным дешифровщиком отдела безопасности.

Она осталась. Соблюдала протоколы. Писала отчёты в пассивном залоге. Не смотрела на лица дольше необходимо-го.

Но кое-что изменилось — маленькое, незаметное снаружи. Она начала запоминать имена. Не номера — имена. Субъект 7-А был Феликс Карр, учитель истории. Субъект 9-В была Анна Сольберг, медсестра. Субъект 11-Д был Грэгори Рубич, офисный сотрудник, который спросил о чём-то запрещённом за обедом.

Она не могла ничего сделать с этими именами. Не могла помочь. Не могла остановить. Могла только помнить — и отказывалась позволить системе забрать у неё и это последнее.

Это было маленьким. Возможно, бессмысленным. Но она держалась за это так же, как Грэгори Рубич держался за число семьдесят три и два имени в темноте стеклянной банки — потому что конкретное, личное, названное своим именем не

растворяется так легко, как безымянное и обезличенное. И потому что иногда единственное сопротивление, доступное человеку без власти и связей, — это просто помнить то, что система предпочла бы, чтобы ты забыл.

* * *

Через четыре месяца после того как Грэгори Рубича перевели из Отдела в оперативный состав, Рейчел Морс подала заявление о переводе в технический департамент городской инфраструктуры. Причина в заявлении: «профессиональный рост, желание работать с более широким спектром систем».

Заявление было одобрено без вопросов. Тихие удобные сотрудники не вызывали подозрений, когда просили о переводе — система предпочитала думать, что они уходят за карьерой, а не от чего-то.

В последний день она прошла через процедурный зал — не по заданию, просто маршрут через него был короче. Остановилась на секунду у кресла, пустого в этот час. Посмотрела на панель с датчиками, которую калибровала сотни раз.

Ничего не сказала. Не было кому говорить.

Вышла. Закрыла за собой дверь.

В новом департаменте она работала с системами городского освещения — обслуживала, чинила, настраивала. Простая, понятная работа с предсказуемым результатом: нажимаешь кнопку, загорается свет. Никакого пассивного залога. Никаких субъектов. Просто свет, который либо есть, либо

нет.

По ночам она всё ещё открывала зашифрованную тетрадь. Имена в ней не прибавлялись — но те, что были, никуда не исчезали.

Феликс Карр. Анна Сольберг. Грэгори Рубич.

Она не знала, живы ли они. Не знала, что с ними стало. Не знала, имело ли значение то, что она их помнила.

Но помнила.

Глава 8. Человек с факелом

Дело Мэйсона Далтона лежало на столе три дня, прежде чем Грэг понял: он почти ничего о нём не знает. Только то, что этот человек был главным архитектором системы, в которой Грэг теперь существовал как наблюдатель собственного тела.

Далтон создал High Tec Control System — корпорацию, ставшую мировым лидером в технологиях контроля. В личном деле: никогда не был женат, связи с семьёй оборваны, ближайший родственник — бабушка, адрес не актуализирован с момента её смерти. Совет директоров отстранил его от управления примерно тогда, когда система перестала быть инструментом и начала быть чем-то другим — Грэг не нашёл в документах слова для этого «другого», только косвенные признаки: закрытые протоколы, стёртые даты, пустые строки там, где должны были быть имена.

Через год после отставки Далтон исчез. Поиски шли два года. В деле — ни одной зацепки. Только пометка каранда-

шом на последней странице, чужим почерком: «вероятно, добровольно».

* * *

В архиве, куда у Грэга появился доступ как у агента высшего отдела, он провёл вечер, перебирая старые записи о деятельности корпорации. Большинство файлов были засекречены или удалены — но один документ остался нетронутым, видимо, по недосмотру: стенограмма последнего публичного выступления Мэйсона перед советом директоров, за месяц до отставки.

«Вы спрашиваете меня, где граница, — гласила стенограмма. — Я отвечу честно: я не знаю. Я строил эту систему, веря, что граница появится сама собой, что разум подскажет, когда остановиться. Теперь я думаю, что ошибался. Возможно, в системе, построенной на абсолютном контроле, остановиться невозможно в принципе — потому что сама идея остановки противоречит логике контроля. Я прошу совет рассмотреть это как формальное предупреждение, а не просто отчёт о текущем положении дел».

Грэг перечитал абзац трижды. Человек, написавший эти слова, не был тем чудовищем, которого он ожидал найти. Или, по крайней мере, не был только чудовищем. В словах было что-то похожее на запоздалое раскаяние, прозвучавшее слишком поздно и слишком тихо.

Он сохранил копию документа на незарегистрированном носителе — первый акт настоящего неповиновения с момен-

та корректировки. Маленький. Реальный.

* * *

Адрес фермы бабушки Далтона числился в деле как последний известный. Грэг съездил туда сам — два часа в грузовике радарного отдела, потом ещё сорок минут пешком по холмам. Ферма была разрушена. Не сожжена, не разобрана — просто брошена и истлевшая, как бросают место, в которое не собираются возвращаться. На стене уцелевшего сарая кто-то давно написал краской: «ушёл». Без имени, без даты.

Грэг постоял там несколько минут, считая доски в обрушившейся кровле. Насчитал одиннадцать.

На третий день поисков его вызвали в штаб.

— Агент Рубич, два часа назад поступил странный звонок, — сказал председатель. — Информатор требует встречи лично с вами.

— Система отследила его?

— В этом и проблема. — Руководитель разведки развернул планшет. — Шестьдесят три звонка из шестидесяти трёх разных точек планеты. Голос — компиляция из записей около миллиона разных людей. Кто бы он ни был, он умён и хорошо знаком с методами слежки.

— Встреча назначена на час ночи. Зброшенное крыло междугороднего метро, — добавил председатель. — Зона аномальной электромагнитности. Техника там бесполезна в радиусе километра.

— Расставим людей по периметру. Схватим его, выясним

всё.

Председатель кивнул, не дожидаясь возражений. Грэг возражать не стал — тело агента Рубича не возражало начальству. Где-то в стеклянной банке Грэг отметил про себя: информатор, знающий о слабом месте генератора и умеющий звонить из шестидесяти трёх точек одновременно, не выглядит как человек, которого легко схватить.

Но это была не его мысль для этой комнаты.

* * *

00:55. Грэг входил в заброшенное крыло метро. Минус шесть снаружи, внутри ещё холоднее — воздух стоячий, не гулял здесь давно. Объективы в глазах начинали барахлить от аномалии, белый шум в голове нарастал.

Через минуту с противоположного конца тоннеля появилась фигура с факелом.

— Наконец-то. — Голос звучал из-за самодельной тканевой маски. Спокойный, без спешки. — Ты сильно изменился с тех пор, как я видел тебя в последний раз.

— Я вас не знаю. Назовитесь.

— Знаешь, — сказал человек. — Та часть тебя, что сейчас смотрит из-за стекла изнутри, — она меня помнит. Просто не может сказать.

Грэг остановился. Фраза была точной — слишком точной для случайности.

— Снимите маску.

— Нет. — Без агрессии, просто констатация. — Эта маска

— из тех же соображений, что твой аккумулятор. Лучше говорить, чем объяснять. У меня есть кое-что о Далтоне. Придётся пройти.

Грэг двигался первым по приказу информатора — десять минут в темноте, считая шаги, потому что считать было единственным, что оставалось делать сознанию в стеклянной банке, когда тело шло туда, куда ему говорили.

— Стой. Здесь должна быть коробка. Найди.

Грэг начал ощупывать темноту перед собой.

Удар пришёл сзади — точный, в основание черепа. Тело осело мгновенно.

— Очень крепкая голова, — сказал голос сверху, без злобы, деловито. — Генератор. Единственное слабое место. Откуда я знаю — объясню, когда придёт время.

Несколько минут — прикосновение металла к коже в области печени, лёгкий надрез, несколько коротких щелчков — и свет в стеклянной банке погас. Экран отключился. Темнота стала полной.

* * *

Через двенадцать минут весь район оцепления накрыл взрыв — старые взрывчатки, не требующие электричества, заложенные заранее. На месте крыла метро остались горящие руины.

Глава 9. Тот, кого искали

Грэг пришёл в себя не сразу.

Сначала был запах — сырой бетон и что-то ещё, незнако-

мое, похожее на старое дерево. Потом — звук: ровное дыхание кого-то рядом, без тревоги, как дыхание человека, у которого есть время ждать.

Паралич уходил медленно. Грэг лежал, не двигаясь, и позволял ему уходить — считал это как число: сейчас пятьдесят процентов контроля над левой рукой, шестьдесят, семьдесят. Что-то в этом счёте было успокаивающим.

— Не торопись, — сказал голос. — Торопиться некуда.

Маска была снята. Мэйсон Далтон сидел на ящике в трёх метрах от него — немолодой мужчина, с лицом человека, который долго жил вне помещений и давно перестал об этом думать. Никакой театральности. Никакого триумфа. Просто ждал.

— Ты знал, кто я, — сказал Грэг, когда речь вернулась.

— С первого момента, как ты вошёл в тоннель, — сказал Мэйсон. — У тебя есть привычка считать шаги. Ты её не выбирал — она появилась сама, после того как тебя поместили в банку. Люди, которых корректируют так, как тебя, все что-нибудь считают. Потолочные плитки, кирпичи, шаги. Это единственное, что остаётся их собственным.

Грэг смотрел на него.

— Ты создал это.

— Да, — сказал Мэйсон просто. Не «я не хотел» и не «они исказили мой план». Просто — да.

— Тогда зачем ты здесь?

Мэйсон не ответил сразу. Встал, прошёл несколько ша-

гов, остановился у стены, где в щели между кирпичами рос небольшой мох — зелёный, неуместно живой в этом подзелье.

— Я стал понимать кое-что примерно за год до отставки, — сказал он наконец. — Не всё сразу. Постепенно, как понимают вещи, которых не хочешь понимать. — Пауза. — Система работала лучше, чем я планировал. Это была проблема.

— Что значит — лучше, чем планировал?

— Я думал, что создаю инструмент управления. — Мэйсон оглянулся. — Оказалось, я создаю что-то другое. Инструмент питается. Понимаешь? Он требует топлива, и топливом оказалось именно то, что я не закладывал в чертёж. — Он замолчал, и в этом молчании было что-то похожее на то, как человек останавливается перед фразой, которую не хочет произносить вслух. — Ты знаешь, из чего работает ядро?

— Нет.

— Я тоже не знал. Долго. — Он снова посмотрел на мох. — Когда понял — попытался остановиться. Совет меня опередил.

Грэг сел, опираясь на стену. Паралич прошёл полностью.

— Что ты хочешь от меня?

— Ничего немедленного, — сказал Мэйсон. — Ты агент. Ты ходишь туда, куда большинство не ходит. Ты видишь документы, которые большинство не видит. — Пауза. — И ты — единственный агент, которого я видел за восемь лет,

способный принять решение, которое система не вложила в него. Ты не сдал Ллойда Бэнкса.

Грэг посмотрел на него.

— Ты следил за мной.

— Я следил за многими. Ты первый, кто меня удивил. —

В голосе не было лести — только усталая точность. — Большинство сдают. Не из злобы. Просто так устроено: когда твоё собственное выживание зависит от одного решения — ты принимаешь то решение. Ты принял другое. Это редко.

— Это было глупо с точки зрения выживания.

— Возможно, — согласился Мэйсон. — Но ты это сделал. — Он наконец повернулся к нему полностью. — Я хочу разрушить то, что построил. Не реформировать — разрушить. Для этого нужен человек внутри системы, который умеет принимать решения, которые система не предусматривала. Такого человека очень сложно найти. — Пауза. — Ты можешь отказаться. Прямо сейчас. Я не буду тебя останавливать. Ты вернёшься в свой отдел, доложишь о встрече, я снова исчезну. Это один вариант.

Грэг молчал.

— А второй?

— Второй сложнее, — сказал Мэйсон. — И честно говоря, я не знаю, чем он закончится. Никто не знает. Именно поэтому я ищу человека, который может действовать без гарантий результата.

В подземелье было тихо. Где-то капала вода — методич-

но, как отсчёт.

— Свобода — это не цель, — сказал Мэйсон, уже поднимаясь. — Только начало. Это единственное, в чём я уверен после всех этих лет.

Он исчез за поворотом тоннеля раньше, чем Грэг успел ответить.

Грэг остался в темноте, считая капли воды. Насчитал семнадцать, прежде чем встал.

Глава 10. Двойная жизнь

Грэг очнулся в подвале — не своём, чужом, пахнущем сырым бетоном и машинным маслом. Над ним склонилась женщина с короткими тёмными волосами и взглядом, в котором не было ни капли мягкости, только расчёт.

— Ты пришёл в себя быстрее, чем мы ожидали, — сказала она. — Меня зовут Элен.

— Где я?

— В безопасности. Относительной. — Она помогла ему сесть. — Мэйсон рассказал нам о тебе. Сказал, что ты особенный.

Грэг осмотрел себя — надрез на печени был грубо, но аккуратно зашит, провода заменены новыми, более тонкими, незаметными для стандартных проверок системы.

— Он сделал из меня что-то другое?

— Он сделал тебя свободным внутри собственного тела, — ответила Элен. — Насколько это возможно для киборга. Твоё сознание больше не заперто полностью. Ты сможешь

чувствовать, думать — и притворяться, что не можешь.

В углу подвала Грэг заметил Мэйсона — без маски, в простой рабочей одежде, выглядящего на удивление обычным человеком для того, кто, по слухам, изменил историю всей страны.

— Зачем я тебе? — спросил Грэг прямо.

Мэйсон подошёл, сел напротив на ящик.

— Потому что внутри системы нужен кто-то, кто видит её насквозь и при этом остаётся незамеченным. Агент, который выглядит образцовым, но работает на нас. Соберёшь данные о ядре — центральном механизме, который держит всю эту конструкцию на ходу. Без этих данных у Освобождённых нет шанса.

— А что вы будете делать с этими данными?

— Разрушим систему, — сказал Мэйсон. — Или изменим её. — Пауза, чуть дольше, чем нужно для обычного ответа. — Это решим, когда дойдём до ядра. Сейчас важно прийти.

Грэг посмотрел на него внимательно. В этой паузе было что-то, что он не смог сразу определить — не ложь, но и не полная откровенность. Отложил наблюдение на потом.

— Хорошо, — сказал он. — Что мне нужно делать?

* * *

Прежде чем уйти в город тем вечером, Грэг остался один в дальнем углу подвала на несколько минут — пока Элен решала технические вопросы с Дорианом, а Мэйсон изучал карты. Никто не следил за ним, никто не ждал от него ничего

в эти несколько минут, и это само по себе было настолько непривычным, что он не знал, куда деть себя.

Он начал считать кирпичи в стене. Привычка с детства — единственная форма контроля, которая когда-либо принадлежала только ему. Семьдесят три кирпича в ряд, считая до угла. Он досчитал трижды, каждый раз сбиваясь на одном и том же месте — выщербленный кирпич с отколотым углом, как будто специально подгадывал, чтобы заставить его начать заново.

— Что ты делаешь? — спросила Мия, та самая девочка с потрёпанной книгой, незаметно подошедшая сзади.

— Считаю кирпичи, — сказал он, не оборачиваясь, слегка смутившись, что его застали за этим занятием.

— Зачем?

Грэг задумался — впервые за много лет, когда кто-то спросил его об этом прямо, а не просто наблюдал со стороны с молчаливым осуждением, как было заведено в офисе.

— Потому что кирпичи не меняются, — сказал он наконец. — В мире, где меняется почти всё, без предупреждения, не спрашивая разрешения — приятно посчитать что-то, что просто остаётся на месте. Даже если это всего лишь стена.

Мия села рядом на корточки, разглядывая кирпичи с новым интересом.

— Я тоже так делаю, — призналась она. — Считаю страницы в книге, которые ещё не прочитала. Знаю заранее, сколько осталось, прежде чем закрыть на ночь.

— И как, помогает?

— Не знаю, — она пожала плечами совсем по-детски, не по-взрослому, как до этого разговаривала со взрослыми в убежище. — Но когда я знаю число — мне не так страшно его не знать.

Грэг посмотрел на неё. Ребёнок, выросший под землёй, нашёл без всякой подсказки тот же самый способ держаться, что и он — семь лет назад, в очереди за пайком, считая плитки на полу.

— Семьдесят три кирпича в этом ряду, — сказал он. — На случай, если когда-нибудь захочешь знать.

Мия кивнула серьёзно, как будто он только что передал ей что-то по-настоящему ценное — не цифру, а способ жить с миром, который не обещал ничего наперёд.

* * *

Возвращение в офис на следующий день прошло без подозрений — система зафиксировала отсутствие как «техническую неполадку транспорта». Грэг сидел за столом, играя роль идеального винтика, пока внутри собирал каждую крупицу информации для Освобождённых.

Ллойд, заметив его на перерыве, нахмурился.

— Ты другой, — сказал он. — Что-то изменилось.

— Просто устал, Ллойд.

— Не похоже на обычную усталость. — Голос тише. —

Если что-то случилось — можешь сказать мне.

— Всё в порядке, — сказал он. — Просто нужно время.

Ллойд кивнул. Взгляд остался настороженным.

* * *

Вечером пришло первое сообщение от Освобождённых: координаты, время встречи, кодовая фраза.

Он шёл по городу, считая камеры — не автоматически, как раньше, а по-другому: сколько из них перекрывают угол обзора друг друга, где между ними пустота в полсекунды, которой достаточно, чтобы пройти не став записью. Прежде он считал их потому что боялся. Теперь — потому что это была информация.

В переулке его встретил мужчина в очках.

— Данные о маршрутах доступа, — сказал он без приветствия.

Грэг передал карту памяти.

— Это только начало. Мне нужно больше времени, чтобы добраться до самого ядра.

— У тебя есть время. Просто не теряй осторожность. Система начинает что-то подозревать. Усилен контроль во всех ключевых отделах.

— Почему именно сейчас?

— Война. Фронт требует ресурсов больше, чем правительство готово признать публично. Когда система нервничает — затягивает гайки внутри.

Грэг кивнул, спрятал руки в карманы и пошёл обратно — туда, где его ждала жизнь, выглядящая как прежняя, но уже навсегда изменившаяся внутри.

Глава 11. Совет внизу

Раз в неделю, по средам, в самом глубоком из подвалов убежища собирался совет ячейки — не Верховный совет системы с его семью пустыми креслами наверху, а его перевёрнутое отражение: двенадцать человек на ящиках и сложенных стульях, решающих, кому достанется лишняя порция еды на этой неделе и кого отправить с очередным грузом через северный тоннель.

Грэг впервые попал на такое собрание спустя месяц после знакомства с убежищем — Элен привела его без объяснений, просто сказав «сядь и слушай», и он сел, считая присутствующих по укоренившейся привычке: двенадцать, не считая его самого.

— Запасы продержатся три недели при текущем потреблении, — докладывал Гарри, разворачивая помятый лист с цифрами. — Если возьмём ещё пятерых из убежища на Сектор-7 — две.

— Сектор-7 не выживет без помощи, — сказала женщина, которую Грэг видел впервые, средних лет, с обожжённой левой рукой, забинтованной грубо, наспех. — Там дети.

— Здесь тоже дети, — ответил Гарри, не грубо, просто констатируя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.